

RU

Особенности развития жанра поэмы в татарской литературе первой половины 1920-х гг.

Надыршина Л. Р.

Аннотация. Цель исследования - выявить основные тенденции развития жанра поэмы в татарской литературе первой половины 1920-х гг. Научная новизна статьи заключается в том, что в статье поэмы указанного периода рассмотрены как часть непрерывного литературного процесса и в этом ключе более детально изучены вопросы сохранения и развития лиро-эпических традиций начала XX века, а также идейно-проблемных, тематических и поэтических особенностей, обусловленных сменой культурно-исторических ориентиров. В результате доказано, что линия развития татарской поэмы в этот период следует от переходных, сохранивших поэтические традиции начала XX века произведений, к поэмам с публицистическим пафосом и отвечающим идеологическим регламентам содержанием, требующим поиска новой формы. Как показывает анализ поэм Ф. Бурнаша, в переходных поэмах новые идеологические установки отражаются лишь в мотивной системе и идее произведений. В поэмах Х. Такташа и Х. Туфана представлены характерные особенности формирующегося инварианта татарской поэмы: противопоставление старого и нового миров, обращение к революционной символике, преобладание разговорно-декламационного стихосложения и др.

EN

Poem Genre Development Features in Tatar Literature in the First Half of the 1920s

Nadyrshina L. R.

Abstract. The purpose of the study is to identify the main trends of the poem genre development in Tatar literature in the first half of the 1920s. Scientific novelty of the paper lies in the fact that it considers the poems of the said period as a part of a continuous literary process and in this vein, examines in a more detailed manner the issues of preservation and development of lyrico-epic traditions in the early XX century, as well as ideological and problematic, thematic and poetic features stemming from the change in cultural and historical orientations. As a result, the researcher has proved that the development of the Tatar poem during this period follows the trajectory from transitional works that preserved the poetic traditions of the early XX century to poems with social-political pathos and content that meets ideological regulations, which requires searching for a new form. As the analysis of F. Burnash's poems shows, new ideological attitudes are reflected in transitional poems only in the motivic system and the idea of the works. H. Taktash's and H. Tufan's poems possess the characteristic features of the emerging invariant of the Tatar poem: juxtaposition of the old and new worlds, use of revolutionary symbolism, predominance of colloquial and declamatory versification, etc.

Введение

События 1917 года положили начало глобальным изменениям в русской и национальных литературах: зарождающаяся новая действительность и установленные ею идеологические регламенты диктовали новые условия развития для всех отраслей материальной и духовной культуры. Споры «о «чистоте» пролетарской культуры и сохранении в ней прежних литературных традиций, о соотношении революционного идеала и реальной действительности т. д.» (Славина, 2005, с. 20), а также «политическое давление, которому литература подвергалась с первых и до последних дней советской власти» (Голубков, 2002, с. 7) сменили магистральную линию развития литературы, что отразилось и на эволюции отдельных жанров.

Актуальность нашего исследования объясняется тем, что выявление основных тенденций развития татарской поэмы в первой половине 1920-х гг. может послужить основой для дальнейшего исследования татарской советской поэмы как части непрерывного литературного процесса.

В работе поставлены следующие задачи:

- проследить особенности смены эстетического идеала в послереволюционных поэмах Ф. Бурнаша;
- выявить проблемно-тематические и поэтические особенности поэм Х. Такташа и Х. Туфана.

Основными методами исследования являются культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретической базой исследования послужили работы М. М. Голубкова (2002), В. А. Славинной (2005), Т. Н. Галиуллиной (1979), Ф. Г. Галимуллиной (2004) и других исследователей литературы советского периода, а также Р. Р. Сабирова (2006), Н. М. Юсуповой (2018), М. М. Хабутдиновой (2015), М. И. Ибрагимова (2011), которые в своих трудах обратились к отдельным поэмам изучаемых авторов в контексте исследования тех или иных литературных процессов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что используемые в работе принципы анализа могут быть применены при изучении творчества упомянутых поэтов, а также при исследовании основных тенденций развития татарской поэзии в 1920-е гг., ее результаты могут быть использованы при разработке лекционных курсов по теории и истории татарской литературы, при написании соответствующих глав учебников, учебных пособий и монографий.

Основная часть

Татарская поэзия в послереволюционную эпоху развивалась в рамках «общих тенденций, которые проявлялись в утверждении монистической концепции литературы, опирающейся на принципы классовости и партийности искусства, насаждении отношения к дореволюционной культуре как к буржуазной, определении классовых приоритетов над общечеловеческими» (Загидуллина, 2013, с. 146). В условиях отрицания литературного наследия начала XX века, несоответствующего идеологическим канонам новой действительности, были забыты ряд поэм Фарита Ибрагимова, Бахтияра Мирзанова, Габдрахмана Сунгати и пр., создававших произведения в духе модернизма, другие же вынуждены были сменить свое литературное кредо. Так, Фатхи Бурнаш, творивший в начале XX века в русле романтический и модернистской парадигм (см.: Надыршина, 2021), в послереволюционные годы перешел в ряды представителей так называемого «революционного романтизма», что приводит к смене картины мира в лиро-эпических произведениях автора. В стремлении воспеть новую идеальную действительность в течение 1919 года он создает около десятка поэм, в которых устоявшиеся творческие принципы поэта переплелись с обусловленными новыми идеологическими установками особенностями. Так, в произведении «Гульчачак», сюжетообразующими событиями в котором являются описания любовных переживаний и несчастной судьбы героя, главенствует романтическая парадигма, дополненная традиционными образами и деталями (например, в описании портрета Гульчачак – возлюбленной молодого человека – встречаются традиционные для национальной словесности сравнения: лицо – луна, голос – пение соловья и др.). Идеологическая составляющая поэмы отражена всего лишь в одном небольшом отрывке, где основной причиной расставания влюбленных называется социальное положение людей: герой произведения сетует на несправедливость в обществе, когда одни живут безбедно, а другие вынуждены скитаться в поисках лучшей жизни: *Эшмени ул болай фатир торып, / Бушка түгү маңгай тирләрең, / Үз иркеңнән комсыз байгурага / Кол булырга үзең, чибәрең...* (Бурнаш, 1959, с. 170). / *Дело ли, снимая жилье, / Трудиться за копейки, / Потерявши свободу, ненасытному богачу / Подчиниться, и возлюбленную не уберечь от этой участи* (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – Л. Н.). Так, автор указывает на одну из ключевых проблем (социальное неравенство), которую должна была освещать советская литература.

В ряде других лирических поэм: «Чәчәктән һәйкәл» («Памятник из цветов»), «Ак каен» («Белая береза»), «Таң алдында» («Перед рассветом»), «Сахра каны» («Степная кровь») – национальный идеал, воплощенный в образе молодого человека и связанный с идеей национальной свободы и государственности (например, в поэмах «Айсылу» и «Казахская девушка», датированных 1916 годом), сменяется иным, обусловленным идеологическими установками типом героя: теперь он горит идеей освобождения страны от врагов, в мотивной структуре главенствует мотив самоотверженной борьбы, оказавшейся превыше личных интересов героя. Приведем пример из поэмы «Чәчәктән һәйкәл»: *Ах, кирәкми, жанкисәк! / Инде торалмыйм мин, китәм; / Тәндә жан булганда дошманга бирелмәм – / Ант итәм!* (Бурнаш, 1959, с. 177-178). / *Не надо, душа моя, не уговаривай! / Не могу остаться, ужоу; / Пока жив, врагу не сдамся – / Даю клятву!* В некоторых произведениях стремления героя звучат в духе гисьянизма: *Нәләт жәлләдларга! / Дошманнарга! / Улем комсызларга! / Байларга!* (Бурнаш, 1959, с. 198). / *Проклинаем палачей! / Врагов! / Смерть ненасытным! / Богачам!* В этом ключе воссоздан и образ молодого парня в произведении «Әжәл» («Смерть»), ведущего диалог со Смертью, протестуя против религиозных канонів и тирании: *Син әгәр солтан, илаһлардан / Вәкил булсаң, ашык – / Мин шуларга каршы сугышучы!.. Алла һәм хансыз гына – / Мин үземә буйсынам!* (Бурнаш, 1959, с. 213-214). / *Если ты султанов и богов / Посланник, то торопись – / Я – тот, кто борется против них!.. / Нет бога и ханов – / Только себе я преклонюсь!* В подобном стремлении поэт воспеваает человека, бросившего вызов земным и небесным силам, чувствующего, что он способен «изменить мир через диалог с небом или через земные революционные нарушения» (Загидуллина, 2013, с. 177).

Идеологические образы и детали (красное знамя, образы звезды и др.) в поэмах Ф. Бурнаша сосуществуют с традиционными, как, например, в поэме «Ак каен» («Белая береза»), в которой образ-символ березы «выражает

грусть, горе и тоску» (Юсупова, 2018, с. 48), с одной стороны, и воплощает «неизменную верность любви, Родине, революции и народу» – с другой (Халит, 1967, с. 43).

Таким образом, поэмы Ф. Бурнаша, написанные в первые годы послереволюционной действительности, характеризуются определенным схематизмом: обогащенный национальными образами и деталями романтический пласт в них сочетается с лирико-публицистическим пластом, читаемым в контексте новой идеологии. Следует отметить, что во второй половине 1920-х гг. в творчестве Ф. Бурнаша (как и в национальной поэзии в целом) подобный публицистический пафос, сопряженный с декламационной интонацией, станет ведущим, как, например, в поэме «Ленин – партия», написанной автором в 1930 г.

Х. Такташ, создавший в 1921 году сложное, противоречивое, избыточное условно-символическими образами и деталями произведение «Жир уллары трагедиясе» («Трагедия сынов земли»), уже в 1923 году объявляет о том, что впредь его творчество будет развиваться в рамках «неореализма» и переходным в этом направлении произведением указывает поэму «Давылдан соң» («После бури», 1924) (см.: Юсупова, 2018, с. 156). Обозначенная в нем оппозиция старого и нового миров (поэт заявляет о разрушении старого порядка, обреченного погибнуть под натиском «гиганта коммунизма») является структурообразующей и в других поэмах автора. Скажем, в поэме «Сыркыды авылы» («Деревня Сыркыды», 1924), раскрывающей сложную многослойную картину нового мира в образах, представляющих различные слои общества (это и сторож Шахми, идеализирующий Ленина, и политрук Махмут, представитель нового поколения, и религиозный деятель Мифтах, чья эпоха канула в лету и др.), идея обреченности старой жизни находит символическое воплощение в письме Махмута: *Искелек үлә, / Аңарга без – кабер казучылар, / Иске утлар мәңгегә сүнә, / Без – / Яңаны язучылар!* (Такташ, 2010, с. 154). / *Старый мир погибает, / Мы могильщики для него, / Старые огни гаснут безвозвратно, / Мы / Зажжем новые!* Воссоздающие картину новой действительности условно-символические образы, такие как ветер, тьма, ночь, зима, сопряженные с мотивами всеобщей тревоги и заблуждения, противопоставляются другим, связанным с грезами о прекрасном будущем образом: заря и весна. В другом своем произведении – «Гасырлар һәм минутлар» («Века и минуты»), созданном в 1924 году, Такташ снова обращается к образу вождя народов – Ленина, идеализируемого в контексте идеологических канонов изучаемого периода. Образ Ленина в поэме выполняет связующую функцию: он собирает воедино хаотичные фрагменты нового социалистического мира. Динамичная и импульсивная структура поэмы основана на чередовании событий, перед читателем проносятся различные типы образов, сменяются и пространственно-временные картины, и эмоциональная канва поэмы. Если вначале время представляется как нечто масштабное, но в то же время быстротечное (*Төн карасын яндырып, таңнар туа; / Таңны – көн, / Көнне / Гасыр, еллар куа. / Бер минут – үлдә, / Шулай ук туктамай, / Картаеп, эштән чыгып, көннәр үлә* (Такташ, 2010, с. 122-123). / *Освещая темные ночи, наступает рассвет; / Рассвет – днем, / Дни / Сменяются веками, годами. / Одна минута – умерла, / И подобно ей, безостановочно, / Старые, обессиленные, умирают дни.*), то далее в тексте противопоставляются утопические представления о будущем (*Яңгырлар завод, урамнар; / Тротуарлар буйлатып / Жир балалары йөрерләр, / Шул урамнарга тулып, / Зур факелларга ягылган / Көчле утлар уйнатып* (Такташ, 2010, с. 123). / *Заголятся заводы и улицы; / Тротуары / Заполнят земные дети, / Заполнят улицы, / Яркими факелами / Игряя.*) и картина противоречивой и напряженной современности (*Ә хәзер / Күзләр тегәлгән / Канлы майданга табан! / Без беләбез! / Иң каты һәм / Зур көрәшнең соңгысы / Үтмәгән – / Алда һаман!..* (Такташ, 2010, с. 123). / *А сейчас / Глаза глядят / В сторону кровавой площади! / Знаем! / Самая тяжелая и / Сильная борьба / Еще не прошла – / Она только предстоит!..*). Так, смена временных отрезков в поэме рассматривается в символическом ракурсе и читается как путь общества к создающемуся будущему. В следующих частях произведения время конкретизируется: оно сжимается до двух дат – дней ухода Ленина и прощания с ним. Создающие пеструю картину новой действительности фрагменты резко обрываются сообщением трагической вести, возрастающее эмоциональное напряжение, дополненное соответствующими мотивами (мотивы плача, потери надежды, тоски, неизвестности и др.), достигает вселенского масштаба: смерть вождя народов потрясает жителей не только советского государства, но и других стран, всего земного шара. Ассоциативные идеологические образы солнца, пламени, знамени и др. служат возвеличению личности Ленина как сверхчеловека, творившего новую действительность, бессмертие вождя рассматривается во взаимосвязи со стремлением продолжить проложенную им магистральную линию развития государства: *Ул үлмәде! Ул жибәргән көчле янғын / Зура, үсә һаман* (Такташ, 2020, с. 131). / *Он не умер! / Зажженный им пожар / Все растет и растет.*

Таким образом, поэма «Гасырлар һәм минутлар» хоть и является одним из образцов наполненных идеологическим содержанием произведений, все же поэт, «создавая символическую картину действительности и используя усложненные образы, обращаясь к многочисленным повторам, стремился спасти татарскую поэзию от примитивизма, лозунговости, агитационного духа» (Загидуллина, 2013, с. 178).

В первых поэмах татарского поэта Х. Туфана, написанных в 1925 году, в частности в «Татарстанда» («В Татарстане»), «Еллар итәгендә» («На пороге годов»), «Зәңгәр бүре» («Синий волк»), как и в рассмотренных выше поэмах Х. Такташа, противостояние прошлого и настоящего становится ключевой особенностью, повторяя основную тенденцию в развитии литературы изучаемого периода в целом (см. о данной оппозиции в монографии Г. Н. Мухарлямовой (2018, с. 19)). Мрачную и порой отталкивающую картину прошлого поэт воссоздает при помощи ассоциативных образов, среди которых – кровавые поля, болота, задыхающаяся в рыданиях губерния («Татарстанда»), буран, ночная тьма («Еллар итәгендә»), неопрятные улицы и дома («Зәңгәр бүре»). В противовес прошлому в поэмах представляется новый, подаренный советским государством мир, изображенный при помощи других условно-символических образов. Скажем, в поэме «Зәңгәр бүре» неприглядность

старого мира отождествляется с образом Казанской слободы – Бишбалта, где, по словам повествователя, в «оставшихся с прошедших времен домах обитают сломанные люди»: грузчики, потерявшие на тяжелой работе здоровье; вдовы, проживающие свои бесконечно печальные дни; сироты, брошенные на произвол судьбы. В образе Зәңгәр бүре (так прозвали мальчика-сироту, которого встретил повествователь на улицах слободы) воплощается созидательная сила нового порядка: *Зилзиләгә барган ярдәм кебек, / Отряд килә. / Зәңгәр бүре аның башында. / Отряд килә, / Ятим яшьтәшләрен / Чыгарышырга «язмыш» астыннан* (Туфан, 2007, с. 33). / *Словно желая помочь во время урагана, / Приближается отряд. / Синий волк во главе его. / Отряд приближается, / Чтобы своих сверстников-сирот / Вытащить из лап судьбы.*

В произведении «Татарстанда» современность воплощается в образе свадьбы Татарстана, объединившей разные по своему содержанию явления: завод и деревня, Восток и Запад. Она же стала и причиной всеобщего праздного духа прощания со старым и ожидания встречи с прекрасным будущим, нацеленного на объединение всех народов: *Бер-береңне туган күрешүнең / Маршы гөрли монда һәр чатта!* (Туфан, 2007, с. 24). / *Чувство родства друг с другом / Звучит маршем в каждом перекрестке!*

В поэме «Еллар итәгендә» одним из символов нового мира становится «курящий трубку Урал», воплощающий в себе идею индустриализации, ставшей в дальнейшем одним из ключевых моментов в развитии татарской поэмы 1920-х годов: *Кыңгыр яткан Урал / Челем тарта. / Челем сабы – озын таш торба. / Билгә кат-кат рельс билбау урап, / Күпер белән муенын каптырган* (Туфан, 2007, с. 38). / *Урал, лежа на боку, / Курит трубку. / Мундштук трубки – длинная каменная труба. / Пояс – из рельсов, / Шея обернута мостом.*

Огромное количество авторских ассоциативных образов в поэмах Х. Туфана представляют читателю многоголосую картину новой действительности, воссозданную в футуристических традициях: мы слышим в поэмах музыку войны, звуки «чугунного крейсера» – Кремля, тракторов и машин, марш единства, арии из опер и др., передающие хаотичность и противоречивость стремившейся к урбанизации и индустриализации эпохи. Таким образом, можем констатировать, что в начале своего творческого пути Х. Туфан творил в целом в рамках социалистической идеологии: его первые поэмы характеризуются публицистическим пафосом, патетическим и декламационным оформлением, мотив разрушения старого мира становится в них структурообразующим, главенствует идея служения народу.

Заключение

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

События 1917 года стали причиной качественных изменений в развитии жанра поэмы в татарской литературе: сформировавшаяся как жанр в начале XX века в творчестве Г. Сунгати, Ф. Ибрагимова, М. Гафури, Н. Исанбета, Б. Мирзанова и др. татарская поэма после революционных преобразований вынуждена была изменить магистральную линию своего развития. Если в начале XX века в ней преобладало романтическое мировосприятие, сопряженное с национальной семантикой, также огромный пласт татарских поэм отражал модернистские поиски молодых поэтов, то после 1917 года в ней должна была запечатлеться новая идеология.

Так, например, в поэмах Ф. Бурнаша национальный идеал сменяется социалистическим идеалом, что приводит к изменениям и в мотивной структуре (в поэмах доминируют мотивы борьбы с внутренним врагом, разрушения старого, самопожертвования и др.), и в идейно-проблематическом оформлении (на первый план выходит идея служения народу, социального равенства и единства).

Противопоставление старого и нового миров лежит в основе структуры поэм Х. Такташа и Х. Туфана. Атрибуты зарождающейся действительности (такие, как знамя, пламя, звезда, солнце – символ Вождя и др.) воссоздают противоречивую картину нового мира. Поэмам этих авторов свойственны поиски в области формы: преобладание разговорно-декламационного стихосложения, ассоциативные образы, призванные иллюстрировать новую действительность.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в более многостороннем изучении рассмотренных лиро-эпических произведений поэтов и не затронутых в рамках этой статьи поэм других авторов.

Источники | References

1. Бурнаш Ф. Сайланма әсәрләр: 2 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. Т. 2.
2. Галимуллин Ф. Г. Табигыйлеккә хилафлык (XX гасырның егерменче-утызынчы еллар татар әдәбиятының үсеш үзенчәлекләре). Казан: Татар. кит. нәшр., 2004.
3. Галиуллин Т. Н. Дыхание времени (вопросы становления и развития социалистического реализма в татарской советской поэзии до 1941 года). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.
4. Голубков М. М. Русская литература XX в.: после раскола: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2002.
5. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013.
6. Ибрагимов М. И. Творчество Х. Такташа в контексте татарской и русской поэзии 1910-1920-х гг.: проблемы поэтики // Научный Татарстан. 2011. № 1.
7. Мухарлямова Г. Н. Хронотоп в татарской прозе 20-30-х годов XX века. Казань: Изд-во ИЯЛИ, 2018.
8. Надыршина Л. Р. Поэмы Фатхи Бурнаша: художественный метод, проблематика и мотивная структура // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 3.

9. Сабиров Р. Р. «Шигырьләрдә - минем йөрәгем...»: Хәсән Туфан поэзиясендә автор образы. Казан: Школа, 2006.
10. Славина В. А. Проблема идеала в русской литературе, критике, публицистике первой половины XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2005.
11. Такташ Һ. Әсәрләр: 3 томда. Төз. һәм тулал. 2 нче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Т. 1. Шигырьләр һәм поэмалар.
12. Туфан Х. Әсәрләр: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. Т. 1. Шигырьләр, поэмалар.
13. Хабутдинова М. М. Новаторство Хади Такташа в «Трагедии сынов земли» // Филология и культура. 2015. № 2 (40).
14. Халит Г. Герои, рожденные революцией (к проблеме героя и метода татарской советской литературы). Казань: Татар. кн. изд-во, 1967.
15. Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века: монография. Казань: Ихлас, 2018.

Информация об авторах | Author information

RU**Надыршина Лейсан Радифовна¹**, к. филол. н.¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань**EN****Nadyrshina Leysan Radifovna¹**, PhD¹ G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan¹ leysan_tatar@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): татарская поэзия; советская литература; идеал; тема; поэтика; Tatar poetry; Soviet literature; ideal; theme; poetics.